

Правоотношения в уголовном процессе: дискуссионные вопросы структуры и содержания

И. С. Дикарев, М. Л. Давыдова

Для цитирования: Дикарев И. С., Давыдова М. Л. Правоотношения в уголовном процессе: дискуссионные вопросы структуры и содержания // Правоведение. 2024. Т. 68, № 3. С. 360–372. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.303>

В теории уголовного судопроизводства уголовно-процессуальное правоотношение традиционно рассматривается как регламентированная нормами уголовно-процессуального права двусторонняя правовая связь субъектов уголовного процесса, где праву одного субъекта правоотношения корреспондирует юридическая обязанность другого субъекта. Этот подход не только транслируется в учебной литературе по уголовному процессу, но и принимается за исходный при проведении специальных научных исследований. Однако в рассматриваемой сфере встречаются процессуальные обязанности, которым невозможно найти корреспондирующие права кого-либо из участников уголовного процесса. Цель исследования состоит в выяснении правовой природы таких уголовно-процессуальных правоотношений, в которых связь процессуальных прав и обязанностей носит неочевидный (неконкретный, неотносительный) характер. Предпринимается попытка объяснить такие правоотношения с точки зрения теории общерегулятивных отношений и обосновать их уголовно-процессуальный характер. Кроме того, доказывается ошибочность подхода, допускающего существование в рамках уголовно-процессуального отношения корреспондирующих друг другу процессуальных обязанностей. Методологическую базу исследования составляет диалектика. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа, синтеза и системный подход, а также специально-юридические методы: юридической интерпретации и формально-юридической. Результаты исследования показали, что публично-правовые обязанности субъектов, ведущих уголовный процесс, составляют элемент общерегулятивных правоотношений, в которых управомоченной стороной выступает государство. При переходе общего правоотношения в правоприменительную плоскость может происходить персонализация субъектного состава правоотношения, когда контроль за исполнением процессуальной обязанности властного субъекта возлагается на определенного участника уголовного процесса (например, прокурора). На этом основании сделан вывод, что уголовно-процессуальными являются не только правоотношения, складывающиеся между участниками уголовного процесса, но также общерегулятивные отношения, закрепляющие компетенцию государственных органов и должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: правоотношение, структура правоотношения, права и обязанности, уголовный процесс, уголовно-процессуальное правоотношение, общерегулятивное правоотношение, публичность, субъекты уголовного процесса.

Дикарев Илья Степанович — д-р юрид. наук, доц., Волгоградский государственный университет, Российская Федерация, 400062, Волгоград, Университетский пр., 100; <https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>, iliadikarev@volsu.ru

Давыдова Марина Леонидовна — д-р юрид. наук, проф., Волгоградский государственный университет, Российская Федерация, 400062, Волгоград, Университетский пр., 100; <https://orcid.org/0000-0001-8392-9592>, davidovaml@volsu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Введение

Специальные исследования, посвященные уголовно-процессуальным отношениям, в теории уголовного судопроизводства проводятся довольно редко, а если и проводятся, то их авторы зачастую лишь развивают идеи, сформулированные еще в советской науке уголовного процесса. В учебной литературе рассмотрение соответствующих вопросов также, как правило, не выходит за пределы уже имеющихся теоретических разработок. Именно этим, видимо, и объясняется сохраняющаяся десятилетиями нерешенность целого ряда значимых теоретических проблем.

В отличие от отраслевых исследований, работы классиков советской теории правоотношений¹ характеризуются глубокой проработкой как общих вопросов, так и отдельных деталей понятия, структуры, классификации данного правового явления. Современные исследования правоотношений продолжаются и в рамках направления, названного В. В. Лазаревым «правовой конструктивизм»², который предполагает новый взгляд на старые теоретические конструкции, «переописание практически всех юридических категорий»³. Более или менее успешный опыт подобных исследований⁴ не обесценивает, однако, и классические подходы, т. к. именно юридическая догма обеспечивает преемственность в развитии науки, создавая понятийную сетку, через которую исследуется сложная и динамичная правовая материя. Использование этого инструментария для анализа нерешенных проблем отраслевых юридических наук представляется вполне актуальной задачей научного поиска.

Следуя подходам, выработанным в общей теории права, представители уголовно-процессуальной науки определяют уголовно-процессуальные правоотношения как регламентированную нормами уголовно-процессуального права двустороннюю правовую связь субъектов уголовного процесса. При этом обоснованно подчеркивается властный характер складывающихся правоотношений и их направленность на установление уголовно-правового отношения⁵.

Поскольку правоотношение — это двусторонняя правовая связь, еще одним общим местом учения о процессуальных правоотношениях является утверждение о том, что в уголовном судопроизводстве, как и в любой другой сфере правового регулирования, праву одного субъекта правоотношения должна корреспондировать юридическая обязанность другого субъекта, и наоборот⁶. «Принцип взаимности прав и обязанностей, — пишет Ю. А. Тябина, — означает, что интересы одного

¹ См.: *Иоффе О. С.* Правоотношения по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949; *Кечекьян С. Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе / отв. ред.: М. С. Строгович М.: Изд-во АН СССР, 1958; *Халфина Р. О.* Учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974; *Ткаченко Ю. Г.* Методологические вопросы теории правоотношения. М.: Юрид. лит., 1980; *Дудин А. П.* Диалектика правоотношения. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983; *Гревцов Ю. И.* Правовые отношения и осуществление права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987; *Протасов В. Н.* Правоотношение как система. М.: Юрид. лит., 1991; и др.

² *Лазарев В. В.* Вместо предисловия. Открывая «границы неведомого» // Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования): монография: в 3 ч. Ч. 1: Границы правового неведомого. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 8–11.

³ *Честнов И. Л.* Что есть право? // Правоведение. 2013. № 3. С. 234.

⁴ Представленный, в частности, объемными публикациями П. П. Серкова (см.: *Серков П. П.* 1) Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования)...; 2) Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования): монография. М.: ИНФРА-М, 2020; 3) Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики): монография: в 2 ч. М.: ИНФРА-М, 2023).

⁵ См., напр.: *Ахматов И. И.* Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 10.

⁶ См.: *Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»* / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. С. 104.

субъекта могут быть реализованы лишь посредством соответствующего поведения другого. Иными словами, если один субъект правоотношения наделен правом, то на другого возлагается юридическая обязанность»⁷.

1. Проблема односторонних процессуальных обязанностей в теории уголовного судопроизводства

Однако в последнее время в науке уголовного процесса обращается внимание на наличие в арсенале должностных лиц, ведущих уголовный процесс, таких полномочий (обязанностей), которым сложно найти корреспондирующую «пару» в виде чьего-либо права. «Чьему субъективному праву, — задается вопросом Л. В. Головки, — корреспондирует, например, обязанность следователя возбудить уголовное дело в случае обнаружения признаков преступления, особенно если по данному делу нет потерпевшего?»⁸

В свое время Н. Н. Полянский объяснял отсутствие права другого субъекта, корреспондирующего обязанности следователя возбудить уголовное дело, тем, что в этот момент нет еще самого процесса. При этом в качестве другого примера обязанности, не имеющей корреспондирующего субъективного права, автор указывал на реализуемое прокурором уже в рамках уголовного процесса полномочие отказаться от обвинения, если оно не подтверждено данными судебного следствия⁹. Существование обязанностей, не имеющих корреспондирующих субъективных прав, Н. Н. Полянский объяснял тем, что уголовный процесс не является системой правоотношений: «первый, видимый план уголовного процесса», по мнению ученого, составляет процессуальная деятельность, а за ней уже следует «второй, невидимый (правовые отношения)»¹⁰. Другими словами, правоотношения рассматривались Н. Н. Полянским как явления, имеющие по отношению к процессуальной деятельности вторичный характер, как производные от нее.

Такой взгляд не соответствует современным представлениям о механизме правового регулирования, согласно которым правовые отношения возникают и изменяются под действием юридических норм, их регламентирующих, а значит, существуют до того, как начнет осуществляться практическая деятельность. «Правовое отношение, — пишет Н. И. Матузов, — возникает и функционирует только на основе нормы права. Без юридической нормы не может возникнуть ни одно правоотношение»¹¹. Устанавливая связь субординации или партнерства между сторонами, правовая норма моделирует их последующее взаимодействие, а состояние связанности на уровне правового статуса прогнозирует характер развивающегося поведения субъектов¹². Таким образом, объяснение Н. Н. Полянского, суть которого сводится к тому, что действие порождает отношение, вряд ли может быть признано удовлетворительным. Любое действие осуществляется должностным ли-

⁷ Тябина Ю. А. Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии исполнения приговора: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 41.

⁸ Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 106.

⁹ Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д. С. Карева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. С. 48.

¹⁰ Там же. С. 49.

¹¹ Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. С. 516.

¹² Вогленко Н. Н. Правовые отношения: понятие и классификация // Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Вып. 6. 2003–2004. С. 77.

цом в рамках исполнения возложенной на него юридической обязанности. Вопрос в том, перед кем несет эту обязанность следователь.

Этот же вопрос остается без ответа в рассуждениях Ю. Г. Ткаченко, также полагающей, что полномочие на возбуждение уголовного дела является односторонней обязанностью, которой не корреспондируют права другой конкретной стороны. При этом автор исходит из того, что наделение законом должностных лиц и органов «автономными правами и обязанностями», правом на одностороннюю деятельность является средством определения их компетенции, обеспечивающей придание субъектам определенной автономности¹³. Таким односторонним обязанностям, полагает Ткаченко, не корреспондируют права другой конкретной стороны, при их осуществлении не реализуются правомочия другого лица, как это имеет место в двустороннем правоотношении¹⁴.

Однако в отсутствие корреспондирующего элемента в виде субъективного права или юридической обязанности полномочие, которым наделяется должностное лицо, лишается всякого смысла и предназначения, вследствие чего невозможно уяснить, во имя каких интересов оно реализуется. Как метко заметил на этот счет С. С. Алексеев, субъективное право или юридическая обязанность вне правоотношений есть не что иное, как «социальный нуль»¹⁵.

Итак, ограничиться констатацией наличия в уголовном процессе полномочий, содержание которых составляют юридические обязанности, не имеющие корреспондирующих элементов в виде субъективных прав, нельзя. Это заставляет обратиться к другим выделяемым в общей теории права видам правоотношений, в которых связь прав и обязанностей носит неочевидный (неконкретный, не относительный) характер. В частности, «концептуальные штампы» о якобы возможной реализации права «вне правовых отношений» могут быть устранены теорией общих правовых отношений¹⁶.

2. Анализ проблемы сквозь призму учения об общих правоотношениях

Начнем с рассмотрения так называемых абсолютных правоотношений. В отличие от относительных, которые характеризуются определенностью обеих сторон правоотношения, в абсолютных индивидуализирована только одна сторона — субъект права. Субъектами же корреспондирующей этому праву обязанности признаются «все и каждый». Учитывая, что обязанными в этом правоотношении оказываются «все», внутренняя связь субъективного права и юридической обязанности (во всяком случае, до тех пор, пока субъективное право не нарушено) оказывается в некотором роде умозрительной.

Надо заметить, что существование абсолютных правоотношений некоторыми учеными ставится под сомнение. Так, например, В. С. Нерсесянц писал, что «во всех правоотношениях, как и в праве в целом, правам и обязанностям одного субъекта соответствуют (корреспондируют) обязанности и права другого субъекта, так что так называемых абсолютных правоотношений нет и по определению быть не может»¹⁷. Несостоятельным деление правоотношений на абсолютные и относительные счита-

¹³ Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношения. С. 145.

¹⁴ Там же. С. 160.

¹⁵ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. С. 85–86.

¹⁶ См.: Волленко Н. Н. Очерки общей теории права: монография. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 2009. С. 592.

¹⁷ См.: Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 522–523.

ет и Д. В. Лоренц, по мнению которого любое правоотношение является сознательным взаимным поведением конкретных субъектов, а значит, может носить только относительный характер¹⁸.

Здесь нет смысла вдаваться в полемику по данному вопросу, поскольку конструкция абсолютных правоотношений в любом случае не применима для объяснения правовых явлений, имеющих место в уголовном процессе. Дело в том, что, поскольку в абсолютных правоотношениях индивидуализирована лишь управомоченная сторона, носитель субъективного права¹⁹, активным центром таких правоотношений всегда является субъективное право²⁰. В сфере же публичного права, к которой относится уголовное судопроизводство, наблюдается иная картина. Здесь акцент смещен на юридические обязанности, которые и занимают внутри правоотношения положение активного центра, «стержня публично-правового регулирования»²¹.

Очевидно, что полномочие следователя или суда, реализуемое в публично-правовом порядке при отсутствии явно корреспондирующего ему субъективного права кого-либо из участников уголовного процесса, представляет собой юридическую обязанность. При этом не имеет значения использование законодателем для ее обозначения термина «полномочие». В силу принципа публичности любое полномочие, предоставляемое субъекту, действующему *ex officio*, является одновременно обязанностью осуществить соответствующие действия всякий раз, когда обнаруживаются основания, с которыми закон связывает реализацию данного полномочия²². «Таковы, — писал С. Ф. Кечекьян, — полномочия должностных лиц, составляющие одновременно и их право, и их обязанность. Это и образует то, что можно назвать компетенцией должностных лиц»²³.

Другой разновидностью правоотношений, характеризующихся отсутствием поименной индивидуализации субъектов, а потому не вписывающихся в привычную схему индивидуализированной юридической связи между двумя субъектами, являются общерегулятивные. В отличие от абсолютных общерегулятивные отношения не имеют жесткой привязки к частному праву и не ограничены конкретизацией внутри правоотношения только обладателя субъективного права.

Свое название рассматриваемые правоотношения получили в силу того, что, будучи общими, они складываются на основе регулятивных норм²⁴. Отсутствие конкретных связей между субъектами общерегулятивных правоотношений объясняется тем, что ключевое назначение находящихся в их центре субъективных прав и юридических обязанностей составляет определение правосубъектности их носителя, а также, если говорить о государственных органах и должностных лицах, ее разновидности — компетенции. Вследствие этого общерегулятивные правоотношения как выражающие общее правовое положение (статус) субъектов часто именуют «статусные»²⁵.

¹⁸ См.: Лоренц Д. В. К проблеме «абсолютного» правоотношения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 6. С. 53.

¹⁹ См.: Сырых В. М. Теория государства и права. М.: Былина, 1998. С. 274.

²⁰ См.: Рыбалов А. О. Проблемы классификации гражданских правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 196.

²¹ Солодовниченко Т. А. Субъективные юридические права и обязанности в частном и публичном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. С. 101.

²² Дикарев И. С. Судебная защита прав и законных интересов военнослужащих в уголовном процессе // Военное право: монография: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. Т. 2: Современное состояние военного права (институты военного права). М., 2021. С. 364.

²³ См.: Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. С. 58.

²⁴ См.: Алексеев С. С. Общая теория права... С. 103.

²⁵ См.: Теория государства и права... С. 536, 544.

Понятно, что компетенция не может определяться через наделение субъекта обязанностями, которым корреспондируют права заранее определенных субъектов. В этой связи, говоря об общерегулятивных отношениях, исследователи подчеркивают, что они носят характер «состояния, в котором находится данный субъект и которое определяет его общее положение по отношению ко всем другим лицам»²⁶. По выражению Н. Н. Вопленко, правовая связь между субъектами в общих правоотношениях «принимает форму длящегося, “дремлющего” состояния правовой связанности в ожидании конкретного юридического факта»²⁷. По сути, это «социально-юридическая связь, которая при наличии юридического факта переходит из состояния абстрактного долженствования в плоскость конкретных прав и обязанностей»²⁸.

Таким образом, существование общерегулятивного отношения предопределено наличием самого субъекта — носителя общих юридических прав или обязанностей и не требует для своего возникновения каких-либо дополнительных юридических фактов. Как и другие правоотношения, общерегулятивные производны от норм права, представляют собой норму права в действии.

Рассматриваемое полномочие на возбуждение уголовного дела, будучи закрепленным в уголовно-процессуальном законе, составляет элемент общего правоотношения в течение всего периода исполнения лицом обязанностей субъекта, в компетенцию которого входит разрешение сообщений о преступлениях (следователь, руководитель следственного органа, дознаватель или орган дознания). При этом следует четко различать обязанность возбуждения уголовного дела как элемент общего правоотношения, фиксирующего компетенцию, и практическую реализацию этой обязанности в случае обнаружения признаков преступления в рамках уже конкретного правоотношения.

Именно выведение в общерегулятивных отношениях на первый план субъекта, чья компетенция определяется общей юридической обязанностью вкупе с молчанием законодателя о корреспондирующих элементах правоотношения, как представляется, и наводит отдельных авторов на мысль о том, что в указанной ситуации никакого двустороннего правоотношения нет, а речь необходимо вести об «автономных» обязанностях²⁹. Вместе с тем, возлагая на государственный орган или должностное лицо юридическую обязанность, законодатель делает это для удовлетворения совершенно определенного социально-значимого интереса. Выяснение сущности данного интереса и является ключом к обнаружению внутри общерегулятивного отношения субъекта, праву которого корреспондирует публично-правовая обязанность.

3. Субъектный состав общерегулятивных уголовно-процессуальных правоотношений

Надо сказать, что ситуация возбуждения уголовного дела является в уголовном процессе далеко не единственной, когда полномочию лица, ведущего уголовный процесс, не корреспондирует право какого-то конкретного участника судопроизводства. В качестве иных примеров можно привести обязанность суда назначить судебное заседание или постановить по уголовному делу законный, обоснованный и справедливый приговор. По мнению Л. В. Головки, здесь можно говорить только о «праве» обще-

²⁶ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С. 143.

²⁷ Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права... С. 593.

²⁸ Вопленко Н. Н. Правовые отношения... С. 86.

²⁹ См., напр.: Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношения. С. 145, 153.

ства в целом требовать уголовного преследования и наказания лиц, совершающих общественно опасные деяния³⁰. Однако при этом автор делает оговорку, что право требования надлежащего исполнения данных полномочий и обязанностей (политическое право общества) остается за рамками уголовно-процессуального регулирования, т. е. за рамками уголовно-процессуальных отношений в формальном смысле³¹. Таким образом, общерегулятивные отношения, в центре которых находятся полномочия государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, по сути, рассматриваются как непроцессуальные.

Такой подход во многом обусловлен устоявшимся в теории уголовного процесса взглядом, согласно которому субъектами уголовно-процессуальных отношений могут быть только участники уголовного процесса. Об этом в свое время прямо писал В. П. Божьев: «...нельзя быть носителем прав и обязанностей, реализуемых в уголовно-процессуальных правоотношениях, не будучи участником уголовного процесса», т. е. понятия «участник уголовного процесса» и «субъект уголовно-процессуального отношения» совпадают³². Этот взгляд господствует в уголовно-процессуальной науке по сей день, четко просматриваясь в определениях, даваемых современными учеными уголовно-процессуальным отношениям³³.

Как представляется, приписывать обществу, не обладающему правосубъектностью, право требования в рамках правоотношения равнозначно признанию такого правоотношения абсолютным. Получается, что следователь или суд несут свои обязанности перед всеми членами общества и каждым в отдельности. И хотя именно так обстоит дело *de facto* (государственные органы и должностные лица реализуют свои полномочия в публичных, т. е. прежде всего в общественных интересах, складывающихся из индивидуальных интересов каждой отдельной личности), *de jure* — в формально-юридической плоскости права «всех и каждого» требовать исполнения государственным органами и должностными лицами их полномочий нереализуемы. Объясняется это тем, что юридической обязанности в принципе не могут корреспондировать субъективные права сразу «всех и каждого». Вместо неопределенного множества «всех и каждого» на противоположной стороне правоотношения выступает само организованное общество, точнее, государство³⁴.

И здесь самое время вспомнить о том, что рассматриваемые полномочия государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, являются по своей природе публично-правовыми. А отличительной чертой публично-правовых отношений является как раз то, что их субъектом государство выступать может³⁵. По этой причине нельзя согласиться с В. П. Божьевым, полагавшим, что в уголовно-процессуальных отношениях государство не выступает в качестве субъекта правоотношения, что от имени государства всегда выступает его орган³⁶.

Думается, что в общерегулятивных отношениях юридической обязанности властных субъектов корреспондирует именно право государства требовать их над-

³⁰ См.: Курс уголовного процесса. С. 106.

³¹ См.: Там же. С. 111.

³² См.: Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юрид. лит., 1975. С. 171.

³³ См., напр.: Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. Монография. М.: Экзамен, 2003. С. 24; Володина Л. М., Володина А. Н. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 79; Тябина Ю. А. Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии исполнения приговора... С. 44, и др.

³⁴ См.: Рыбалов А. О. Проблемы классификации гражданских правоотношений... С. 17, 18, 199.

³⁵ См.: Солодовниченко Т. А. Субъективные юридические права и обязанности в частном и публичном праве... С. 76–77.

³⁶ См.: Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. С. 152.

лежащего исполнения. Причем до тех пор, пока отношение сохраняет характер общерегулятивного, государство не персонализируется в каком-то конкретном государственном органе или должностном лице, вступающем во взаимодействие с лицом, ведущим уголовный процесс. Такая персонализация может происходить только тогда, когда появляется юридический факт, влекущий необходимость исполнения юридической обязанности, составляющей содержание общерегулятивного правоотношения, т. е. когда это правоотношение переходит «из состояния абстрактного должествования в плоскость конкретных прав и обязанностей».

Следовательно, публично-правовые обязанности субъектов, ведущих уголовный процесс, составляют элемент общерегулятивных правоотношений, в которых управомоченной стороной выступает государство. Отсутствие в данных правоотношениях корреспондирующей связи между юридическими обязанностями государственных органов и должностных лиц и субъективными правами конкретных участников уголовного процесса не является основанием для отказа в признании этих правоотношений уголовно-процессуальными. Нельзя не учитывать, что соответствующие юридические обязанности (полномочия), во-первых, закреплены в уголовно-процессуальном праве, а во-вторых, непосредственно направлены на реализацию назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; далее — УПК РФ). Право требования надлежащего исполнения предусмотренных законом полномочий сохраняется за государством и при переходе общего правоотношения в правоприменительную плоскость, но понятно, что здесь реализация этого права может потребовать совершения практических действий, что и предопределяет персонализацию субъектного состава правоотношения — вступление в него конкретных участников уголовного процесса. В ситуации с реализацией полномочия на возбуждение уголовного дела таким участником уголовного процесса является прокурор, наделенный полномочиями требовать от органов расследования устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, отменять постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, когда такой отказ признается им незаконным или необоснованным, и др.

Вместе с тем общерегулятивные отношения могут сохраняться в неизменном виде и на этапе правоприменения, когда принадлежащее государству право требования надлежащего исполнения субъектом своей юридической обязанности не может быть реализовано через практическую деятельность каких-либо органов или должностных лиц. Так, например, обязанность выносить определения и постановления, соответствующие требованиям законности, обоснованности и мотивированности (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), суд несет непосредственно перед государством. Предусмотреть механизмы, аналогичные прокурорскому надзору или ведомственному контролю, без вмешательства в осуществление правосудия попросту невозможно. В этой связи управомоченная сторона данного правоотношения (государство) не конкретизируется даже на этапе правоприменения, а исполнение юридической обязанности суда обеспечивается установлением санкции в виде возможных отмены или изменения судебного решения вышестоящим судом³⁷.

Рассматривая возможное возражение о том, что юридическая обязанность следователя возбудить уголовное дело по времени своего существования является «допроцессуальной», необходимо принять во внимание его непосредственную связь с уголовным процессом. Причем связь эта настолько прочная и неразрывная,

³⁷ Такие санкции в теории уголовного процесса иногда именуется санкциями ничтожности (см.: Громов Н. А., Полуниин С. А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М.: Городец, 1998. С. 90).

что в случае отсутствия такой обязанности (и соответствующего общерегулятивного отношения) уголовный процесс попросту не мог бы начаться. К тому же никто не станет спорить с тем, что полномочие на возбуждение уголовного дела составляет элемент именно уголовно-процессуального статуса следователя. Еще одним доводом в пользу отнесения статусных правоотношений к числу уголовно-процессуальных является то, что некоторые из них сохраняются и в ходе уголовно-процессуальной деятельности, как, например, обязанность суда постановить законный, обоснованный и справедливый приговор по уголовному делу.

Что же касается публично-правовых обязанностей граждан в сфере уголовного судопроизводства, исполнение которых обеспечивается угрозой уголовного наказания (например, обязанность гражданина дать правдивые и полные показания по уголовному делу), то они, будучи общерегулятивными, признаваться уголовно-процессуальными не могут. Таковыми они становятся только в момент приобретения лицом статуса участника процесса, т. е. когда на основе общерегулятивного отношения возникает правоотношение конкретное.

Изложенное позволяет сделать вывод, что распространенный в современной теории уголовного судопроизводства взгляд на уголовно-процессуальное отношение как двустороннюю правовую связь, возникающую только между субъектами (участниками) уголовного процесса, не отражает всей полноты содержания определяемого понятия. Уголовно-процессуальными являются не только правоотношения, складывающиеся между участниками уголовного процесса, но также общерегулятивные отношения, закрепляющие компетенцию государственных органов и должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства.

4. Вопрос о характере правовых связей между корреспондирующими элементами уголовно-процессуальных правоотношений

Субъектный состав уголовно-процессуальных отношений отличается разнообразием. Помимо правоотношений между государственными органами или должностными лицами, с одной стороны, и гражданами — с другой, существуют также правоотношения, участниками которых являются исключительно властные субъекты. Как верно отмечал Божьев, отношения, где субъектами являются только представители власти, занимают в сфере уголовного судопроизводства значительное место³⁸. В связи с этим в науке уголовного процесса даже сложилось деление уголовно-процессуальных правоотношений на два вида: 1) между государственными органами, должностными лицами и лицами, не наделенными властными полномочиями; 2) между органами государственной власти и должностными лицами³⁹.

Поскольку властные субъекты судопроизводства выступают субъектами общерегулятивных правоотношений, в рамках которых государственные органы и должностные лица исполняют возложенные на них юридические обязанности, встает вопрос о характере правовой связи между ними и корреспондирующими элементами правоотношения.

Аналогичный вопрос возникает и в том случае, когда субъектами общерегулятивных отношений выступают граждане, привлекаемые к участию в уголовном процессе (например, обязанность гражданина дать в случае вызова его на допрос в качестве свидетеля правдивые показания обо всех известных ему обстоятель-

³⁸ Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. С. 89.

³⁹ См.: Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. С. 48; Ахматов И. И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных отношений... С. 236.

ствах уголовного дела). Учитывая, что данная юридическая обязанность исполняется гражданином в рамках правоотношения, вторым субъектом которого является следователь, получается, что оба субъекта правоотношения являются носителями юридических обязанностей.

На этом основании в юридической литературе можно встретить мнение о том, что уголовно-процессуальные отношения строятся не только в привычном варианте, когда праву корреспондирует обязанность, но и по модели «обязанность — обязанность»⁴⁰. Надо сказать, что существование подобных правоотношений допускают и некоторые представители общей теории права. Так, например, Т. А. Солодовниченко полагает необходимым скорректировать сложившийся общепризнанный подход и признать, что «в публичных правоотношениях юридической обязанности может корреспондировать не только субъективное юридическое право, но и другая юридическая обязанность»⁴¹.

Противоречие между предлагаемой идеей и общепринятым подходом, суть которого сводится к тому, что правоотношение всегда состоит во взаимной связанности субъективного права и юридической обязанности, можно разрешить, если принять во внимание специфику общерегулятивных уголовно-процессуальных отношений. Используем для этого пример, приведенный Л. В. Головки, когда «обязанности свидетеля дать показания корреспондирует обязанность следователя вызвать и допросить всех лиц, чьи показания необходимы для установления обстоятельств дела»⁴². До тех пор, пока общерегулятивные отношения, в которых следователь и свидетель несут свои юридические обязанности, не реализуется в правоприменительной плоскости, управомоченным субъектом этого правоотношения выступает государство. Если признать, что и при наступлении юридических фактов, с которыми связывается переход этих общих правоотношений в конкретные, их субъектный состав не изменяется, то говорить о правоотношении между следователем и свидетелем не приходится вообще. Любое правоотношение является таковым только при условии, что его юридическое содержание состоит во *взаимной правовой связанности* субъективных прав и юридических обязанностей сторон⁴³. Если же следователь и свидетель, каждый в отдельности, исполняют в ходе допроса юридические обязанности перед государством, то ни о какой взаимной связанности говорить не приходится.

Вместе с тем очевидно, что орган предварительного расследования вступает в правоотношения со всеми привлекаемыми к участию в деле лицами, будь то обвиняемый, потерпевший или свидетель. Более того, в теории уголовного процесса распространен взгляд, согласно которому вообще все уголовно-процессуальные отношения являются властеотношениями, поскольку одной из сторон «всегда выступает правоприменитель (должностное лицо или орган), наделенный государством специальными полномочиями, правом властного веления»⁴⁴. Каким же образом возникает взаимная связь между следователем и свидетелем, несущими публично-правовые юридические обязанности?

Уже отмечалось выше, что при появлении юридического факта, с которым закон связывает необходимость реализации общей юридической обязанности, происходит персонализация субъектного состава правоотношения. В рассматриваемой ситуации при вызове гражданина для допроса в качестве свидетеля общие право-

⁴⁰ См.: Курс уголовного процесса. С. 106.

⁴¹ Солодовниченко Т. А. Субъективные юридические права и обязанности в частном и публичном праве... С. 10.

⁴² См.: Курс уголовного процесса. С. 106.

⁴³ Вогленко Н. Н. Правовые отношения... С. 81.

⁴⁴ Володина Л. М., Володина А. Н. Уголовное судопроизводство... С. 75.

отношения («государство — свидетель», «государство — следователь») сменяются вполне конкретным, в котором принадлежащее государству право требования от свидетеля правдивых и полных показаний переходит к следователю. Соответственно, именно со следователем как представителем государства вступает в правоотношение гражданин, когда приобретает процессуальный статус свидетеля. При этом в рамках возникающего конкретного правоотношения юридическая обязанность свидетеля давать показания становится элементом, прямо корреспондирующим праву следователя.

Аналогичным образом общерегулятивные отношения, закрепляющие компетенцию государственных органов и должностных лиц, переходят в конкретные уголовно-процессуальные отношения и в тех случаях, когда их сторонами являются властные субъекты. Так, например, в уже упомянутом примере осуществления прокурором надзора за действиями и решениями следователя при разрешении им сообщений о преступлениях прокурор приобретает право требовать устранения нарушений федерального законодательства, в котором воплощается составляющее элемент общего правоотношения право государства требовать надлежащего исполнения следователем полномочий по возбуждению уголовных дел. При этом правоотношения между прокурором и следователем носят вполне конкретный характер, поскольку реализуются после поступления сообщения о преступлении, выступающего юридическим фактом, влекущим переход общего правоотношения «в плоскость конкретных прав и обязанностей».

Вывод

Таким образом, учение об общерегулятивных правоотношениях, будучи примененным к сфере уголовно-процессуального права, позволяет преодолеть отдельные противоречия в теоретическом объяснении сущности имеющих место в уголовном судопроизводстве правовых явлений. Как было показано выше, складывающиеся в уголовном процессе правоотношения вполне вписываются в общепринятую конструкцию, предполагающую наличие корреспондирующих друг другу субъективных прав и юридических обязанностей. При этом система уголовно-процессуальных правоотношений усложняется за счет включения в нее, наряду с конкретными, также общих (общерегулятивных) правоотношений, с помощью которых законодатель определяет компетенцию государственных органов и должностных лиц, играющих в юрисдикционном процессе ведущую роль.

Статья поступила в редакцию 30 января 2024 г.
Рекомендована к печати 25 мая 2024 г.

Legal relations in criminal proceedings: Controversial issues of structure and content

I. S. Dikarev, M. L. Davydova

For citation: Dikarev I. S., Davydova M. L. Legal relations in criminal proceedings: Controversial issues of structure and content. *Pravovedenie* 68 (3): 360–372.
<https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.303> (In Russian)

Theorists of criminal proceedings traditionally view the legal relationship as a two-way legal relationship of subjects of criminal proceedings regulated by the norms of criminal procedural law, where the right of one subject of the legal relationship corresponds to the legal obligation of another subject. This approach not only prevails in educational literature on criminal procedure,

but is also taken as the initial approach when conducting special scientific research. However, in this area there are procedural obligations for which it is impossible to find corresponding rights of any of the participants in the criminal process. The purpose of the study is to clarify the legal nature of such criminal procedural legal relations in which the connection between procedural rights and obligations is not obvious. The authors make an attempt to explain such legal relations from the point of view of the theory of general regulatory relations and to justify their criminal procedural nature. They substantiate the fallacy of the approach that assumes the existence of procedural duties corresponding to each other within the framework of the criminal procedural relationship. The methodological basis of the study was the dialectical method. In addition, general scientific methods of analysis, synthesis and a systematic approach were used, as well as special legal methods: legal interpretation and the formal legal method. The results of the study showed that the public legal obligations of subjects of criminal proceedings constitute an element of general regulatory legal relations in which the state is the authorized party. During the transition of a general legal relationship to the law enforcement level, personalization of the subject composition of the legal relationship may occur when a certain participant in the criminal process (for example, a prosecutor) begins to exercise control over the fulfillment of the procedural duties of the authority. On this basis, the authors conclude that criminal procedural legal relations are not only legal relations that develop between participants in criminal proceedings, but also general regulatory relations that consolidate the competence of government bodies and officials in the field of criminal proceedings.

Keywords: legal relationship, structure of legal relationship, rights and obligations, criminal process, criminal procedural legal relationship, general regulatory legal relationship, publicity, subjects of criminal proceedings.

References

- Alekseev, Sergey S. 1966. *The mechanism of legal regulation in a socialist state*. Moscow, Iuridicheskaja literatura Publ. (In Russian)
- Alekseev, Sergey S. 1982. *General theory of law*. Vol. II. Moscow, Iuridicheskaja literatura Publ. (In Russian)
- Ahmatov, Ivan I. 2017. *Concept, characteristics and system of criminal procedural relations*. PhD Thesis. Ekaterinburg. (In Russian)
- Bozh'ev, Vyacheslav P. 1975. *Criminal procedural legal relations*. Moscow, Iuridicheskaja literatura Publ. (In Russian)
- Bozh'ev, Vyacheslav P. (ed.). 2002. *Criminal process*. 3^d ed. Moscow, Spark Publ. (In Russian)
- Chestnov, Il'ya L. 2013. What is law? *Pravovedenie* 3 (308): 229–237. (In Russian)
- Dudin, Anatolij P. 1983. *Dialectics of legal relations*. Saratov, Saratov State University Publ. (In Russian)
- Golovko, Leonid V. (ed.). 2017. *Criminal Procedure Course*. 2nd ed. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Grevcov, Yurij I. 1987. *Legal relations and exercise of law*. Leningrad, Leningrad University Press. (In Russian)
- Gromov, Nikolaj A., Polunin, Sergej A. 1998. *Sanctions in criminal procedural law of Russia*. Moscow, Gorodets Publ. (In Russian)
- Halfina, Raisa O. 1974. *General doctrine of legal relations*. Moscow, Iuridicheskaja literatura Publ. (In Russian)
- Himicheva, Galina P. 2003. *Pre-trial proceedings in criminal cases: the concept of improving criminal procedural activities*. Moscow, Ekzamen Publ. (In Russian)
- Ioffe, Olimpiad S. 1949. *Legal relations under Soviet civil law*. Leningrad, Leningrad University Press. (In Russian)
- Kechek'yan, Stepan F. 1958. *Legal relations in a socialist society*. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ. (In Russian)
- Lorenc, Dmitrij V. 2009. On the problem of “absolute” legal relationship. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* 6: 52–57. (In Russian)
- Matuzov, Nikolaj I., Mal'ko, Aleksandr V. (ed.). 2007. *Theory of State and Law*. 2nd ed. Moscow, Iurist Publ. (In Russian)
- Nersesyanc, Vladik S. 2012. *General theory of law and state*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)

- Polyanskij, Nikolaj N. 1956. *Questions of the theory of Soviet criminal procedure*. Moscow, Lomonosov Moscow University Press. (In Russian)
- Protasov, Valerij N. 1991. *Legal relationship as a system*. Moscow, Iuridicheskaia literatura Publ. (In Russian)
- Rybalov, Andrej O. 2007. *Problems of classification of civil legal relations*. PhD Thesis. St. Petersburg. (In Russian)
- Savenkov, Alexandr N., Kudashkin, Aleksandr V. (ed.). 2021. *Military law*. Vol. II. Moscow, Tsentr pravovykh kommunikatsii Publ. (In Russian)
- Serkov, Petr P. 2018. *Legal relationship (Theory and practice of modern legal regulation)*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Serkov, Petr P. 2020. *Legal relationship (Morality of modern legal regulation)*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Serkov, Petr P. 2023. *Legal relationship (Theory and practice of modern legal policy)*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Solodovnichenko, Tat'yana A. 2016. *Subjective legal rights and obligations in private and public law*. PhD Thesis. Omsk. (In Russian)
- Sryh, Vladimir M. 1998. *Theory of State and Law*. Moscow, Bylina Publ. (In Russian)
- Tkachenko, Yuliya G. 1980. *Methodological issues of the theory of legal relations*. Moscow, Iuridicheskaia literatura Publ. (In Russian)
- Tolstoj, Yurij K. 1959. *Towards a theory of legal relations*. Leningrad, Leningrad University Press. (In Russian)
- Tyabina, Yuliya A. 2016. *Criminal procedural legal relations at the stage of execution of a sentence*. PhD Thesis. Nizhny Novgorod. (In Russian)
- Volodina, Lyudmila M., Volodina, Anna N. 2010. *Criminal proceedings: the right to a fair and transparent judicial defense*. Moscow, Iurlitinform Publ. (In Russian)
- Voplenko, Nikolaj N. 2003–2004. Legal relations: concept and classification. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5 6*: 76–89. (In Russian)
- Voplenko, Nikolaj N. 2009. *Essays on the general theory of law*. Volgograd, Volgograd University Press. (In Russian)

Received: January 30, 2024

Accepted: May 25, 2024

Ilya S. Dikarev — Dr. Sci. in Law, Assistant Professor, Volgograd State University, 100, Universitetskiy pr., 400062, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>, iliadikarev@volsu.ru

Marina L. Davydova — Dr. Sci. in Law, Professor, Volgograd State University, 100, Universitetskiy pr., 400062, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-8392-9592>, davidovaml@volsu.ru